

Вилла. Второй этаж, гостиная.

Сун Юфэй только что встретился с Ци Янем и, не успев перевести дух, плюхнулся на диван.

— Брат, — простонал он, — эта игра просто пытка! Я только что обошёл весь двор — и прямо у меня под носом Цун и Чжан утащили пять, нет, шесть карт! Я просто ходячий талисман на удачу для них!

Ци Янь, только что нашедший двадцатибалльную карту, спрятанную в шнуре для штор, глянул на него с тоской:

— То есть ты поменялся со мной только для того, чтобы мы вместе страдали?

Ай, ну зачем так прямо в сердце! — мысленно взвыл Сун Юфэй. — Мы-то ладно, но ведь не мог я дать мучиться Учителю Е!

Он вскинулся:

— Что ты, брат! Откуда мне было знать, что они такие одержимые!

Ци Янь вздохнул, похлопал его по плечу:

— Тогда не валяй дурака. Я прикинул — у нас на двоих всего-то чуть больше сотни монет. Ты что, хочешь всю неделю голодать? Когда настанет пора “любви и горячей лапши”, нас останется только на слово “холод”...

Сун Юфэй не выдержал, расхохотался. Смеялся долго, пока не осознал всю горечь положения. Тогда, смирившись с судьбой, поднялся с дивана, отряхнул брюки:

— Ладно, пошли! Продолжим поиски!

Тем временем Цун Цзиньюэ, выудив ещё по одной карте в комнате для игр и в нише под кондиционером, направился на третий этаж. Там он быстро встретился с Е Цинланем — у того, похоже, дела тоже шли неплохо.

— Юэ-ге, — предложил Е Цинлань, оглядываясь, — может, заглянем ещё раз в библиотеку? Я там торопился, мог что-то пропустить.

— В библиотеке я был десять минут назад, — спокойно ответил Цун. — Проверил каждый угол. Пусто. Лучше посмотрим второй этаж.

— Хорошо.

Они только начали подниматься по лестнице, как из библиотеки вышел Чжан Хуайсюй.

Он, очевидно, услышал их разговор, потому что с лёгкой, почти ленивой улыбкой поднял в воздух свежедобытую карту — тридцатибалльную.

Взгляд его скользнул по Цуну — в нём было что-то насмешливое, уверенное, чуть дерзкое.

У Цуна дёрнулся уголок губ, а в груди будто щёлкнуло. Ещё мгновение назад он был спокоен, как вода, но теперь по спине пробежал горячий разряд — азарт вспыхнул с новой силой.

Язык машинально толкнул внутреннюю сторону зуба, во рту защипало.

Чёрт, этот Чжан умудрился снова вызвать в нём охоту к победе.

Не сказав ни слова, Цун резко развернулся и пошёл вниз.

После тщательного обыска второго этажа он вдруг вспомнил, что они с Е Цинланем так и не проверили террасу.

— Пойдём, — сказал он. — Там мы ещё не были.

Они распахнули стеклянную дверь — и замерли: на террасе уже был Чжан Хуайсюй, склонившийся над горшками.

На мгновение взгляды троих встретились. Каждый насторожился, но никто не двинулся.

Чжан выпрямился. И именно в этот миг солнечный луч скользнул под острым углом, блеснув в земле под пальмовой кадкой — там что-то золотилось.

Он заметил. И Цун заметил.

Их взгляды столкнулись.

— Чёрт, — мелькнуло у Чжана.

Он рванулся вперёд, но Цун двинулся быстрее — не к карте, а к самому Чжану.

Е Цинлань стоял в оцепенении: всё случилось за секунду. По доскам загрохотали тяжёлые шаги.

Чжан почти коснулся листьев, но внезапно кто-то с силой обхватил его за талию и буквально оттащил назад.

— Эй!.. — не успел он даже выругаться.

Цун держал его железной хваткой, приподняв над полом.

— Отпусти! — взорвался Чжан, лицо вмиг залилось краской, уши запылали.

Этот идиот что, поднял его на руках?!

Он дёргался, вырывался, но без толку. Он — человек воспитанный, привыкший держать лицо, а теперь... теперь его буквально носят на руках как мешок!

Позор! Абсурд! Невыносимо!

А Цун, стиснув его крепче, перекрикивал шум:

— Цинлань, бери карту! Быстрее!

От напряжения в голосе дрожали ноты, дыхание сбивалось.

— Цун Цзиньюэ! — прохрипел Чжан, почти теряя голос. — Это жульничество! Я первым увидел! Отпусти, слышишь?!

Он пытался достать его плечо, но тот ловко отклонился. Воздух между ними был горяч, густой; дыхание смешивалось. Цун чувствовал, как в его руках бьётся тело противника, и понимал, что

вот-вот не удержит. Тогда он резко повалил Чжана на пол, прижав к земле.

Снаружи послышался приглушённый возглас:

— Ого! Они что, подрались?

Сун Юфэй и Ци Янь уже давно наблюдали через стеклянную дверь, не в силах оторваться. Сун даже успел достать печенье.

— Ничья, — спокойно прокомментировал Ци Янь, отбирая у него одну.

— Думаешь, если влезем, нас заденет?

— Ой! — наконец опомнился Е Цинлань. Он метнулся к кадке, ловко просунул пальцы между листьями и вытянул карту.

— Пятьдесят! — радостно выкрикнул он. — Есть!

Чжан застыл. Всё. Карта ушла.

Он откинул голову, тяжело дыша, лицо пылало. Руки бессильно опустились.

А Цун всё ещё держал его за талию. Их тела соприкасались спиной и грудью, через ткань пробивалось жаром.

Чжан ощутил, как кровь приливает к ушам. Он стиснул зубы, глядя в смеющиеся глаза Цуна.

Как он мог так унизиться — попасть в такую нелепую ситуацию?!

— Ты... — он едва не выругался, но, сдержавшись, только прорычал: — Отпусти меня немедленно!

Цун улыбнулся, отпустил руки и даже помог выпрямиться, легко поддерживая за спину.

— Я ведь не нарушал правил, Чжан-лаоши, — сказал он почти невинно, но голос дрогнул от сдержанного смеха.

Чжан, красный до корней волос, яростно поправлял сорочку. Если бы не камеры, он бы точно набросился и придушил этого бесстыжего типа. Пальцы у него дрожали — от злости, от смущения и от остаточного жара после борьбы.

— Ну и шум вы тут устроили? — лениво протянул за дверью запоздавший Цзи Шинянь.

Ци Янь сразу схватил его за рукав, сдерживая смех:

— Молодой Цзи, не советую туда идти. Твой партнёр сейчас в состоянии, когда может сожрать кого угодно. Лучше пережди бурю.

Тот заглянул внутрь, увидел сцену и тут же, не моргнув, сказал:

— А, понял. Я этого не видел.

И исчез так быстро, будто за ним гнались.

К четырём пятидесяти игра закончилась. Все снова собрались в холле.

Перед режиссёром стояли три прозрачных ящика.

— Команды, сдаём монеты! — скомандовал он.

Каскад золотых карточек сыпался в коробки. У команд Цун-Е и Чжан-Цзи ящики почти ломились от блеска, в то время как у Ци Яня и Суна — едва на дне поблёскивало несколько штук.

Ассистент пересчитал вслух:

— Ци Янь и Сун Юфэй — сто сорок монет!

— Е Цинлань и Цун Цзиньюэ — двести восемьдесят пять!

— Ци Шинянь и Чжан Хуайсюй — двести восемьдесят пять!

Без сомнений, самыми яростными соперниками оказались Цун и Чжан.

Сун Юфэй беспомощно развёл руками и пробормотал к Ци Яню:

— Ну, зато хоть на лапшу хватит.

Чжан стоял, сдерживая раздражение. Если бы не Цун, который утащил у него ту самую пятидесятку, победа была бы за ним!

Взгляд, которым он одарил противника, мог бы убить на месте.

<http://bllate.org/book/12072/1079805>